

Ст. ИВАНОВИЧ

Что такое «Р. К. П.»

1

Когда вы слышите это название — «Российская Коммунистическая партия», то уже в самом этом названии звучит ложь. Ибо РКП (в простонародной речи — «Рыкапа») что угодно, только не партия.

В самом деле — что такое партия? Это сообщество людей, поставивших себе целью придать государственному строю и государственному развитию данной страны такой характер и такое направление, которые, по мнению этой партии, лучше всего способствуют процветанию живущего в этой стране населения и его будущих поколений. Но так как во всякой стране и во всяком народе мнения насчет того, как лучше вести дела государства, сильно расходятся, так как в каждом народе происходит борьба между различными классами и группами с различными политическими и хозяйственными интересами, то отсюда во всех государствах возникают *разные* партии, которые стремятся собрать вокруг своих знамен возможно больше граждан, чтобы при их помощи дать в самой жизни торжество своим взглядам и интересам. Поэтому *партия — это всегда только часть политических сил данной страны*, большая или меньшая, но все-таки только часть. Да и самое слово — «партия» — на всех языках и в каком бы смысле его ни употребляли всегда означает только часть того, о чем говорят, когда произносят это слово. Там же, где, как в России, все партии уничтожены, где действует только одна группа людей, выжигая огнем и вырубая мечом всех, не только инакодействующих, но и инакомыслящих, притом не только вне своего круга, но и внутри него самого, — там эта господствующая часть превращается в целое. А превратившись в целое, перестав быть частью, *она перестает быть партией*.

Ни в одном современном культурном государстве ни один здравомыслящий человек и представить себе не сумеет, чтобы

в его стране могла существовать только одна партия. Если вы ему это скажете, он сочтет вас сумасшедшим, а если заподозрит у вас хоть капельку смысла, то скажет вам, что это будет не партией, а кликой деспотических владык, сумевших совершенно поработить разнообразные интересы страны. Этот иностранец скажет вам, что даже в Италии, где действует диктатор Муссолини, и даже в Венгрии, где действует диктатор Хорти, где произвол, насилия и беззакония имеют широчайший простор, даже там, кроме партии, захватившей власть и угнетающей страну, все же действуют открыто другие партии, выступающие против господствующей партии в парламенте, в газетах, в союзах и на собраниях. Этот иностранец скажет вам, что даже при прежнем царском правительстве в Государственной Думе и в печати могли выступать открыто партии, бывшие заклятыми врагами самодержавия. Он вам напомнит, что даже сами большевики, бывшие яркими врагами самодержавия, пользовались при нем большей свободой, чем при господстве самих большевиков пользуются их самые тихие и скромные противники. Впрочем, возможно, что вместо всего этого длинного разговора этот иностранец просто отрежет: «Никогда моя страна не падет так низко, чтобы могла существовать только одна партия. А если бы такое несчастье с нами приключилось, то век этой партии был бы недолог: народ сбросил бы с себя ее владычество и разрешил бы ей стать *одной из партий* в стране, но не *единственной*».

В России, к несчастью, этого еще не случилось, в ней действует только одна РКП, и вот почему ложь, что РКП — партия. Это не партия, а военный, полицейский и административный аппарат для угнетения страны в пользу господствующего сословия: коммунистов, членов этой лжепартии.

2

Что это не выдумка врагов советской власти, а истина, известная самим коммунистам, а иногда ими и открыто высказываемая, в этом мы сейчас убедимся. Для этого посмотрим сначала, из кого состоит РКП. Об этом рассказал Зиновьев на заседании коммунистической фракции II съезда советов СССР в конце января 1924 г. «Наша партия, — говорил он там, — величайшая рабочая партия в мире». И через несколько слов опять: «Наша партия — самая великая организация, какую до сих пор знал мир». Все это глупая и насквозь лживая похвальба. Всего, по словам Зиновьева, к концу 1923 года в РКП было 386 тысяч членов. Между тем в Германии, например, где населения втрое меньше, чем в России, и где конкурируют друг с другом много партий, одна социал-демократическая

партия имеет больше миллиона членов. В Англии Рабочая Партия имеет больше трех миллионов членов, и даже такие маленькие страны, как Австрия, Бельгия и другие, имеют рабочие партии с большим числом членов, чем, по словам Зиновьева, «величайшая рабочая партия в мире». Разница тут, однако, не только в числе. Там это действительно партии и действительно партии трудящихся масс, у нас же РКП — это организация чиновников, приставленных к делу грабежа и угнетению этих самых трудящихся масс.

Сколько же среди этих 380 тысяч членов РКП действительно рабочих и действительно крестьян? Зиновьев дает такой ответ.

Рабочих — 50 668 человек. Крестьян — 65 498 человек. Всего, значит, 116 тыс. членов, к которым подходит звание «рабоче-крестьянской» партии. Что же такое подавляющее большинство членов РКП, остальные 270 тысяч коммунистов? Это все чиновники разных рангов и степеней. Иными словами, на каждые 30 членов РКП — людей, действительно занятых производительным трудом, приходится 70 всякого рода чиновников и командиров. Даже в Красной армии примерно на 500 000 служащих приходится всего 40 тыс. коммунистов. Но кто эти коммунисты? Простые солдаты, на которых выпадает главная тягота военной службы? Нет, это тоже чиновники, командиры. «Почти все эти 40 тысяч, — говорил Зиновьев на том же собрании коммунистов, — находятся на командных постах и являются политработниками, являются головкой армии».

Но такова в целом вся РКП. Это головка аппарата угнетения страны. Даже те рабочие и те крестьяне, которые имеются в партии, являются не столько равными членами равной семьи трудящихся, сколько командирами над своими же братьями — рабочими и крестьянами.

3

В самом деле, что делает коммунист-крестьянин в деревне? Вот ответ на этот вопрос, который дает не враг советской власти, а видный советский деятель и чиновник Я. Яковлев, написавший интересную книжку под названием «Деревня, как она есть». Он рассматривает работу партийных коммунистических ячеек в деревне и приходит к такому заключению:

«Нет партийной ячейки в деревне — есть подсобный советский аппарат, более или менее хорошо или более или менее плохо работающий. Нет части партии, проводящей влияние рабочего класса на крестьянство, — есть выполняющие приказы власти и продналог учреждения. Нет организации, умеющей вести

за собою крестьянскую массу работой по организации и просвещению, — есть советское учреждение, которое и представить не может себе иной работы, кроме работы продналогового или административно-командного порядка». Этот самый Яковлев приводит ответы разных деревенских ячеек на обращенный к ним вопрос, чем они занимаются. И вот первозвановская ячейка Полтавского уезда так прямо и отвечает: «Члены ячейки до сих пор не имели никаких обязанностей, кроме выкачки местных средств, продналога и помголода». Никаких обязанностей, кроме выкачки денег из мужика... Таким языком стеснялись писать даже сотские и становые пристава царского времени. Другие деревенские ячейки отвечают не так развязно и бесстыдно, а в тоне казенных рапортов: дескать, все в точности выполнили, налоги собрали полностью или на столько-то процентов. Эти деревенские коммунисты иначе на себя и не смотрят, как на агентов начальства, приставленных к деревне затем, чтобы она не увернулась от бесконечных повинностей и налогов.

Конечно, и в европейских партиях могут быть члены, которые служат в администрации, полиции или акцизе и должны проводить в население распоряжения властей. Но они это делают не потому, что они члены партии, не потому, что партия их на это посылает, а потому, что такова их служба. В РКП же они это делают именно потому, что они члены этой лжепартии, что эта РКП на самом деле не партия, а аппарат для угнетения народа. Этой советской власти мало тех миллионов чиновников, которые она держит. Она этим чиновникам мало доверяет, потому что они в огромном своем большинстве не только не коммунисты, но зачастую прямые враги советской власти. И поэтому на подмогу, на контроль посылаются особенно ретивые, особенно вышколенные слуги — члены РКП.

4

Но если в деревне коммунист — агент власти, то что он такое в городе, на фабрике? То же самое: агент власти, приставленный к массам для наблюдения за ними, а иногда и для усмирения их.

На той же конференции коммунистов, о которой мы упоминали выше, Зиновьев говорил: «Вспомните кронштадтский момент: как тяжело было нашим ячейкам на фабриках и заводах, когда они должны были с винтовкой в руках удерживать рабочих, чтобы они не ушли с завода». Тяжело или легко — это одно дело, а вот важно здесь то, что Зиновьев признается: рабочая ячейка коммунистов — это орган военного усмирения рабочего класса. Тогда в Петербурге дело до крови не дошло. Но в том же Петербурге в 1918 году, когда

народ шел приветствовать открывшееся Учредительное собрание, ячейка коммунистов печатников принимала участие в расстреле демонстрантов и тогда среди убитых и раненых было как раз несколько печатников, шедших с народом к Таврическому дворцу.

Но Зиновьев хочет оправдать эту каинову работу коммунистов тем, что тогда, мол, «мы были только меньшинством среди рабочих». Но мы видели со слов самого Зиновьева, что и теперь коммунисты ничтожнейшее меньшинство среди рабочих. На 1 миллион 400 тысяч рабочих приходится всего 50 тысяч коммунистов, т. е. три с половиной процента. Что же, изменилось что-нибудь в этом отношении в РКП? Перестали ли быть коммунисты на заводах агентами власти в ее борьбе с рабочими? Ответ нам дают сами коммунисты, выболтавшие много своих секретов во время последней дискуссии, когда между ними пошла драка по вопросу о том, как лучше укрепить диктатуру и неограниченную власть РКП. Тогда отдельные коммунисты и стали жаловаться: нам очень трудно привлекать рабочих, потому что вся наша деятельность их только отталкивает от нас. Какая же это деятельность? А вот такая:

«Ячейки и отдельные партийцы в глазах рабочих всегда выступают как защитники администрации, увеличения норм выработки, всякого рода отчислений.

Каждый коммунист считает своей обязанностью во что бы то ни стало оправдать в глазах рабочего всякую, даже явную несправедливость». Так жалуется в самой «Правде» некий коммунист Г-н (№ от 15 ноября 1923 г.). А другой коммунист, Дрожжин, просит «выдавать своевременно зарплату рабочим, избавив нашего рядового коммуниста от уговоров рабочих», ибо, по его словам, такой коммунист «тратит уйму времени на разговоры и уговоры рабочих по случаю несвоевременной выдачи зарплаты» («Правда» от 17. XI). Казалось бы, члену «рабоче-крестьянской» партии, как называет себя РКП, если уж заниматься уговорами, то правильнее было бы уговаривать директоров и управляющих, не выплачивающих к сроку заработка, а не тех рабочих, которых эти приставленные коммунистами директора надувают. Но не тут-то было. «Когда отдельные коммунисты протестуют вместе с рабочими против таких хозяйственников, то наши партийные органы считают таких коммунистов невыдержанными». Так пишет коммунист Бобров («Правда» 22. XI). Ясно в чем тут дело: выдержанный коммунист — это такой, который поддерживает надувающего против надуваемого, обворовывающего против обворовываемого, а невыдержанный коммунист — это такой, который поступает по совести как раз наоборот. Во всякой рабочей партии, действительно рабочей и действительно партии, а не в лжерабочей

и лжепартии коммунистов, таких «выдержанных» молодчиков выбрасывают за дверь с клеймом предателя.

Но много ли таких коммунистов, поступающих справедливо и по совести? Нет, очень мало. Потому что тут в ячейках РКП собираются самые отбросы рабочего класса, те, которых привыкли называть «шпаной». Она идет в ячейку, потому что, только перерядившись в «коммуниста» и взяв на себя полицейские и сыщицкие обязанности, эта шпана может на заводе удержаться, ибо иначе ее выкинут за ворота. Работы она не любит, и работы она не знает. А это дело простое: гляди в оба за товарищем рабочим, прислушивайся к разговорам и, если замечается какое-нибудь недовольство, — сообщи в ближайший коммунистический околодок. Недаром эти коммунистические ячейки получили название «комищеек».

5

Остается теперь нам еще посмотреть, что такое коммунисты из самой многочисленной части РКП — из числа служащих. Их в РКП более 200 тысяч душ. Огромное большинство этих коммунистов — это люди, которые только потому перекрасились в коммунистов, что иным путем им трудно удержаться на службе. При всяком сокращении числа служащих в разного рода советских учреждениях принадлежность к РКП является своего рода страховкой. Кроме того, в звании коммуниста легче двигаться вверх по службе, а затем целый ряд постов, иногда даже самых незначительных, можно занять только будучи коммунистом. Естественно, что служащие — это самая многочисленная категория коммунистов. Притом надо еще иметь в виду, что большой спрос на служащих коммунистов предъявляет не только советская власть.

Служащий коммунист дозарезу нужен и частному предпринимателю, спекулянту и всякому жулю, обдeldывающему нечистые делишки за счет государственной казны. Не было в России при советской власти ни одного судебного дела о всякого рода мошенничествах с государственным добром, при котором не обнаруживалось бы, что главной подмогой в деле грабежа народного достояния со стороны частных спекулянтов являлся какой-нибудь влиятельный коммунист. Недавно было в Москве разобрано дело рязанских спекулянтов, сумевших обернуть вокруг своего пальца целый ряд государственных учреждений и даже такое важное, как Совет Труда и Оборонь (СТО). И вот на суде обнаружилось, что дорожку этим жуликам прокладывали два коммуниста, один из них даже кавалер ордена Красного Знамени. Один из подсуди-

мых говорил: «Зачем я держу таких ребят? Федька, когда нужно, распахнется и все сделает». Этот Федька и был кавалером ордена.

Нужно прямо сказать, что без такого рода помощников нельзя при советской власти никакого дела сделать: не только жульнического, но и честного. Если на коммунистов предъявляет спрос советская власть, то на тех же коммунистов огромный спрос предъявляет и все деловое население страны, которое с коммунизмом ничего общего не имеет. Без коммунистических Федек ничего не сделаешь и никуда не двинешься, и поэтому не трудно понять, почему этих Федек так много. И, конечно, живут эти Федьки не от своего скудного жалованья, а, главным образом, тем, что при нужде такой Федька «распахнется».

6

Что же мы видим, обзрев все части РКП? Крестьяне-коммунисты — это преимущественно сборщики податей и проводники распоряжений высшей власти. Рабочие-коммунисты — это, главным образом, агенты администрации, хозяйственной и общей, для наблюдения, уговаривания, а когда потребуется и для усмирения рабочих, занятых действительной работой. Военные-коммунисты — исключительно, по словам Зиновьева, «головка», т. е. высшее начальство. Служащие-коммунисты — эти по самому своему положению исполнители начальственной воли, чиновники самых зубастых отраслей управления, имеющих монополию вязать и решать судьбы всех классов населения России. Имеется еще около 40 тысяч человек учащих. Все они казеннокоштные, учатся, кормятся и одеваются на казенный счет, в расчете, что впоследствии станут наиболее просвещенными, наиболее просоленными коммунизмом членами того же правящего сословия.

Так вся РКП снизу доверху является не чем иным, как организованной и строго дисциплинированной машиной власти над великой страной и великим народом. И сами коммунисты не только не скрывают этого, но прямо этим гордятся. Зиновьев об этом говорил на конференции коммунистов без всяких уверток. «Партия руководит, партия душа всего, партия занимается не только агитацией и пропагандой, как нам это хотели подсунуть, а партия организует, партия направляет, партия руководит советской властью, партия — ее голова».

Конечно, было бы еще правильнее сказать: РКП — это сама советская власть. Ею держится все большевистское владычество, и в тот день, когда развалится РКП, — от всей постройки гнета и насилия, возведенной на костях народных, не останется и следа.

И вот тут надо сказать: такая постройка и не может не развалиться. И она разваливается сейчас не столько от ударов извне, сколько от собственных своих болячек изнутри.

Первая и основная причина развала заключается в том, что РКП не есть свободное сообщество свободных людей, спаянных между собою братством общих нравственных и политических начал и стремящихся к осуществлению этих начал во всей государственной жизни, а является мертвой чиновничьей машиной, устроенной для порабощения населения. Раз этих людей объединяют не духовные, чистые интересы служения и просвещения народа, а искание выгод за счет угнетения этого народа, то между этими людьми обязательно должна начаться драка из-за наиболее жирных кусков и выгодных местечек. И вот мы видим, что в самой РКП выделилось господствующее сословие, забравшее себе власть над всеми остальными. Это господствующее сословие внутри РКП состоит из 8828 т. н. «ответственных работников», которые и душат и держат в черном теле всю остальную массу членов РКП. Над этими 8828 дворянами в РКП находится примерно 11 человек самых дородных во власти сановников, из которых выделяется знаменитая «тройка». Это самая верхушка. А над ней, когда был жив Ленин, стоял он, всемогущий жрец и царь.

Вся постройка может быть представлена различными этажами, и тогда получается такая картина: 380 тыс. членов РКП, 20 тысяч чиновников в самой РКП, получающих жалованье за партийную работу, 8828 «ответственных» работников, 11 наиболее крупных сановников, «тройка» главных диктаторов и, наконец, на самом вер-ху — прежде Ленин, а теперь его набальзамированный труп в гробу.

В этой машине все части друг другу завидуют, или ненавидят, или презирают, или боятся. Громаднейшая часть РКП — бессловесна, *боится пикнуть*. За малейшее проявление самостоятельности — выговор, снятие с места службы, высылка. Как идет жизнь внутри РКП, об этом много можно рассказать позорных историй со слов самих коммунистов. Но вот сам Зиновьев приводит письмо, полученное им от одной коммунистки-работницы: «Придешь на собрание и сидишь, как необходимая часть, придаток к машине, принимаешь к сведению, и больше никаких... Теперь коснусь местных выборов: ты — меня, я — тебя, и больше ни гвоздя; мы передовые: тебе стыдно меня отвести, мне стыдно тебя отвести; против нет никого; принимается единогласно; товарищи, поддерживайте список». Вот как делаются дела в РКП.

Ясно, что в партии с такими нравами заведется гниль, что здесь воспитываются не свободные товарищи, делающие общее дело, а хамы и лакеи. Секретарь московского комитета РКП находит

у среднего коммуниста такие качества: «шкурничество, подхалимство, прислуживание, боязнь высказать свое собственное мнение». Другой видный коммунист, Подгорный, пишет про свою братию: «Выпирает казенщина, официальный дух, развивается наушничество, подхалимство и на этой почве — карьеризм». Вот что такое РКП.

Такая постройка не может не развалиться. Покуда нужно было бороться за завоевание власти, покуда была опасность разных фронтов, вся эта компания могла еще мерами суровой дисциплины держаться вместе. Но это время военного коммунизма прошло и не вернется уже. В России под гнетом РКП все же выбились наружу силы народной жизни, развилась частная торговля, развился НЭП. Он разлагает РКП, он держит огромную массу ее членов на откупу, он развращает их соблазнами частной наживы, и так вот постепенно подмываются устои, на которых держится здание советского владычества.

Сама РКП становится полем битвы самых разнообразных, враждующих друг с другом интересов. Если в этой РКП приютится и избираемый рабочий, и избирающий его директор, если здесь несчастный мужик-голяк и дородный кулак, если здесь несчастный чинуша, еле сводящий концы с концами, и важный сановник, катающийся в автомобилях и натаскавший к себе на квартиру ковры и дорогую мебель, если здесь собрались хищники и мародеры, из которых каждый старается оттянуть в свою пользу самые жирные куски пирога, то естественно, что здесь не может не возникнуть свалка страстей и appetитов, которая в конце концов и убьет РКП.

И это случится. И это случится тем скорее и с тем большей пользой для России, чем больше сам народ приложит свою руку к делу разрушения этого капища филистимлян, пирующих на могилах и на костях народных. РКП начала разлагаться. Народу остается ее добить.

Лучи свободы вновь брызнут над измученной русской землей.

